

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-9>

УДК 331.524; 314.742

JEL J610

Е. Б. Бедрина^{a)} , Н. П. Неклюдова^{b)} , О. А. Козлова^{b)}

^{a)} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

^{a, б, в)} Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Мигранты из стран Центральной Азии на рынке труда Свердловской области в зеркале социологического исследования¹

Аннотация. Международная миграция оказывает значительное влияние на демографическое и социально-экономическое развитие региона. Цель настоящего исследования – оценить положение и особенности адаптации мигрантов из стран Центральной Азии на региональном рынке труда и выявить ее тенденции. Социологическое исследование проводилось в марте – мае 2023 г. на территории Свердловской области при помощи анкетного опроса и разведывательного интервью. Для анализа были отобраны анкеты мигрантов из стран – основных поставщиков трудовых ресурсов на региональный рынок труда: Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. В результате исследования были подтверждены некоторые выводы, сделанные в предыдущих исследованиях по данной тематике, выявлены новые тенденции. Отмечена специфика миграции на рынке труда Свердловской области, выраженная в высокой доле выходцев из Таджикистана, росте доли занятых в промышленном секторе и склонности к организации собственного бизнеса у выходцев из Кыргызстана. Выявлены факторы, которые помогают мигрантам адаптироваться на региональном рынке труда: особенности правового регулирования (Кыргызстан), знание русского языка, родственные связи, наличие образования, официально оформленной занятости, продолжительность нахождения на территории России, натурализация. Сделаны выводы, позволяющие повысить эффективность миграционной политики посредством контроля и стимулирования официальной занятости иностранных работников на основе формирования единой базы данных и постоянного мониторинга информации о трудовых мигрантах и членах их семей. Данное исследование представляет интерес для специалистов, занимающихся проблемами трудовой миграции. Ввиду разработки нового инструментария миграционной политики данное направление исследований имеет перспективы, особенно важным направлением может стать совершенствование практики применения трудового патента и проведения организованного набора.

Ключевые слова: миграционные потоки, международная трудовая миграция; рынок труда, поведение мигрантов на рынке труда, страны Центральной Азии, Свердловская область

Благодарность: Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. № 0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Благодарность Департаменту внутренней политики Свердловской области, Управлению по вопросам миграции ГУ МВД России по Свердловской области, Генеральным консульствам Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана в г. Екатеринбурге за помощь в организации опроса; А. В. Васильевой за помощь в разработке анкеты для опроса; З.Ф. Джураевой за перевод анкеты на таджикский язык.

Для цитирования: Бедрина, Е. Б., Неклюдова, Н. П., Козлова, О. А. (2024). Мигранты из стран Центральной Азии на рынке труда Свердловской области в зеркале социологического исследования. *Экономика региона*, 20(1), 135-149. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-9>

¹ © Бедрина Е. Б., Неклюдова Н. П., Козлова О. А. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

Elena B. Bedrina^{a)} , Natalia N. Neklyudova^{b)} , Olga A. Kozlova^{c)}

^{a)} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

^{a, b, c)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Central Asian Migrants in the Labour Market of Sverdlovsk Oblast: A Sociological Study

Abstract. International migration significantly affects demographic and socio-economic development of regions. The study aims to assess the situation and characteristics of adaptation of Central Asian migrants in the regional labour market and identify general trends. The sociological study was conducted in March–May 2023 in Sverdlovsk oblast using a questionnaire survey and intelligence interviews. Selected questionnaires of migrants from countries seen as the main suppliers of labour power to the regional labour market – Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan – were analysed. The obtained results confirmed some conclusions of previous relevant studies and revealed new trends. The labour market of Sverdlovsk oblast is characterised by a high proportion of immigrants from Tajikistan, a growing share of people employed in the industrial sector and the tendency of immigrants from Kyrgyzstan to organise their own business. The research described the factors that help migrants adapt to the regional labour market: specific legal regulation (in Kyrgyzstan), knowledge of the Russian language, family ties, education, formal employment, length of stay in Russia, naturalisation. To improve the migration policy, it is recommended to control and stimulate formal employment of foreign workers by establishing a unified database and constantly monitoring information about labour migrants and their family members. Results of this study may be useful for specialists in the field of labour migration. Considering the development of new migration policy tools, it is necessary to pay attention to this prospective area of research, particularly, to the issues of labour patents and organised recruitment.

Keywords: migration flows, international labour migration, labour market, behaviour of migrants in the labour market, Central Asian countries, Sverdlovsk oblast.

Acknowledgments: *The article has been prepared in accordance with the research plan in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026. No. 0327-2024-0009 “Mechanisms for regulating the economic behaviour of the population in the context of structural changes.”*

The authors would like to express their gratitude to the Department of Internal Policy of the Sverdlovsk Region, Department for Migration of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Sverdlovsk Region, Consulates General of Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan in Ekaterinburg for their assistance in organising the survey; A. V. Vasileva for her assistance in developing the questionnaire; Z. F. Juraeva for translating the questionnaire into the Tajik language.

For citation: Bedrina, E. B., Neklyudova, N. N., & Kozlova, O. A. (2024). Central Asian Migrants in the Labour Market of Sverdlovsk Oblast: A Sociological Study. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 20(1), 135–149 <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-9>

Введение

В настоящее время в странах Центральной Азии численность молодежи, выходящей на рынок труда, значительно превосходит количество создаваемых рабочих мест. Правительство данных стран вынуждено создавать условия для трудоустройства своих граждан за рубежом. В силу культурных и исторических особенностей, а также интеграционных процессов Российская Федерация лучше других стран подходит для трудоустройства потенциальных мигрантов из стран Центральной Азии. В свою очередь, Российская Федерация, выступая на мировом рынке труда в качестве страны — реципиента трудовой миграции, восполняет сократившуюся численность трудовых ресурсов, заполняя иностранными работниками свободные вакансии. О наличии вза-

имного интереса в данном вопросе свидетельствуют подписанные на постсоветском пространстве соглашения об организованном наборе. В частности, такое соглашение было подписано в 2017 г. между правительствами Российской Федерации и Республики Узбекистан¹, а в 2020 г. — между правительствами Российской Федерации и Республики

¹ Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 5 апр. 2017 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51965/ (дата обращения: 15.09.2023).

Таджикистан¹. Данные соглашения призваны оптимизировать миграционные потоки в соответствии с потребностями принимающей стороны. Основные идеи данных соглашений — достижение оптимизации и транспарентности миграционных потоков, организация предмиграционной подготовки в странах исхода, сокращение нелегальной миграции и реализация концепции достойного труда² на постсоветском пространстве. Так, к примеру, в рамках межправительственного соглашения в Республике Узбекистан построено 14 моноцентров, где готовят к выезду трудовых мигрантов за границу. В 13 региональных центрах профессиональной подготовки обучаются граждане, желающие работать в строительной отрасли в России, ведут работу 136 пунктов профессионального обучения, которые ориентированы на нужды малого и среднего бизнеса³.

Свердловская область является одной из наиболее привлекательных территорий для приема трудовых мигрантов из зарубежных стран в связи с относительно высоким уровнем экономического развития, наличием вакансий и активных национальных диаспор из основных стран исхода трудовых мигрантов. Так, в 2022 г. область занимала 7-е место среди российских регионов по объему международной миграции, при этом численность прибывших иностранных мигрантов на территорию области составила более 17,5 тыс. чел.⁴ Международная миграция для Свердловской области важна, так как на ее территории про-

должает действовать «промывной режим», о котором пишет Н.В. Мкртчян (2005). В результате «промывного режима» предприятия региона постоянно испытывают недостаток трудовых ресурсов, в особенно сложном положении в период пандемии COVID-19 оказалась строительная отрасль. В сложившихся условиях международная миграция частично компенсирует людские потери региона, обусловленные депопуляцией населения, его потерями от участия в «западном дрейфе» (Зайончковская & Архангельская, 2003; Мкртчян & Карачурина, 2014; Пальников, 2014) и эмиграцией населения. Основными странами — донорами трудовых ресурсов для региона выступают Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Республика Кыргызстан. В нашем исследовании доля респондентов из этих стран составила 59 %, 23 % и 17 % соответственно. Исторически на территории Свердловской области сложилась крупная таджикская общность, что обуславливает значительное преобладание в миграционных потоках выходцев из Республики Таджикистан — это нашло отражение в количестве заполненных анкет по странам исхода⁵.

Данные текущего учета трудовой миграции имеют комплекс серьезных пробелов и недостатков (Колесникова & Панкратьев, 2018; Чудиновских & Степанова, 2020) и не позволяют выявить особенности и тенденции в сфере адаптации мигрантов из зарубежных стран на региональных рынках труда. Данную задачу решают социологические исследования. Как отмечают авторы монографии «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы», «проблемы со статистикой, наряду с пониманием, что статистика имеет свои ограничения, подталкивает аналитиков к ориентации на социологические исследования» (Мукомель и др., 2022, с. 163). В Свердловской области социологические исследования на данную тему были проведены в 2014–2022 гг. (Бедрина и др., 2015; Бедрина и др., 2017; Бритвина & Шумилова, 2019; Грунт, 2019; Бритвина и др., 2022).

Важность регулярного мониторинга трудовой миграции определяется существенными изменениями в структуре миграционных потоков (Флоринская, 2022; Флоринская и др., 2022; Леденева & Мищук, 2023) и в применении нового инструментария миграционной

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17 апр. 2020 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/56003/ (дата обращения: 15.09.2023).

² Продвижение достойного труда в Восточной Европе и Центральной Азии. (2013). Группа технической поддержки по вопросам достойного и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 25. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_306410.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

³ Козлова, О. А. (ред.) (2023). Проблемы адаптации и качество жизни трудовых мигрантов и членов их семей в Свердловской области. Аналитический доклад (с. 18-19). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

⁴ Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698> (дата обращения: 15.09.2023).

⁵ Вандышев, М. Общественный мониторинг и анализ процессов трудовой миграции из Республики Таджикистан в Свердловскую область. <http://research-migration.narod.ru/> (дата обращения: 05.10.2023).

политики (Леденёва, 2014; Ромодановский & Мукомель, 2015; Потапенкова, Ярмонова, 2019; Костеева, 2020; Воронина, 2020; Сурма и др., 2021). В связи с чем предлагаемое исследование вносит вклад в изучение региональной международной миграции и в выявление тенденций в миграционной сфере исследуемого региона.

Данные и методы

Опрос мигрантов из стран Центральной Азии в Свердловской области и городе Екатеринбурге был организован Институтом экономики Уральского отделения РАН и проведен в марте — мае 2023 г. методом прямого и опосредованного интервьюирования иностранных граждан. Прямое интервьюирование проводилось в мечетях городов Свердловской области и на территории универсального миграционного центра в городе Екатеринбурге; опосредованное — при помощи онлайн-опроса на интернет-платформе Google Forms через размещение ссылок на прохождение анкетного опроса в группах национальных диаспор и землячеств Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, действующих на территории Свердловской области и в городе Екатеринбурге. При опросе использовались количественные и качественные стратегии — метод анкетного опроса ($n = 513$) и метод глубинного интервью ($n = 13$). Исследование проведено в рамках мониторинга миграционной ситуации в городе Екатеринбурге и других городах Свердловской области. Цель исследования состояла в оценке положения мигрантов из стран Центральной Азии на региональном рынке труда и выявлении тенденций и особенностей их адаптации.

Качественное исследование представлено методом разведывательного интервью (тринадцать 45-минутных глубинных интервью). Участники интервью — мигранты, которые приехали в Екатеринбург с целью трудоустройства, являются самозанятыми либо легально трудятся на предприятиях и в организациях Екатеринбурга и других городах Свердловской области. Респондентам были заданы вопросы, имеющие отношение к цели исследования, для определения основных проблем и факторов адаптации мигрантов на региональном рынке труда. Интервью проводились на русском языке, неродном для большинства респондентов. Данный ограничивающий коммуникацию фактор был учтен при разработке инструментария и отборе респондентов.

Количественное исследование представлено результатами анкетного опроса, в котором приняло участие 513 респондентов из стран Центральной Азии: Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Респондентам предлагались анкеты на русском, таджикском, узбекском и кыргызском языках. Выборка сформирована стихийно в связи с тем, что мигранты предпочитают не привлекать к себе внимания и плохо идут на контакт. Контрольным признаком стало количественное распределение мигрантов по странам исхода. Выборка по данному признаку является репрезентативной, ее погрешность составляет не более 5 %.

Результаты исследования

Половозрастные характеристики респондентов в общих чертах соответствуют данным официальной статистики по международной миграции в регионе. В частности, мужчины составили 78 %, женщины — 22 %. При этом преобладание мужчин имело место только у представителей Таджикистана и Узбекистана, доля женщин среди респондентов из Кыргызской Республики превысила, хотя и незначительно, долю мужчин, составив чуть более 50 %. Данный феномен мы объясняем сферой занятости кыргызских женщин (социальный сектор, сфера услуг), требующей знания русского языка, активного общения на нем и, стало быть, наличия большей предрасположенности к общению с местным населением, чем это встречается у женщин Таджикистана и Узбекистана. Большинство респондентов оказались людьми молодых возрастов, доля лиц старше 50 лет составила всего 10 %, из них женщины — 1 %.

Несмотря на преобладание в группе респондентов молодежи, многие из них (95 %) к моменту миграции успели обзавестись собственными семьями, что также является значимой чертой представителей стран Центральной Азии, для которых характерны ранние браки и многодетные семьи. Семейная обремененность делает мигрантов более уязвимыми на рынке труда, понижая эластичность спроса на предлагаемые вакансии.

Ожидаемо, что масштабный рост строительства в Свердловской области должен был привести к изменению квалификационной структуры миграционных потоков, увеличив долю лиц со строительными специальностями. Однако этого не происходит. Напротив, в миграционных потоках доля лиц со специальным профессиональным образованием сократилась, наряду с увеличе-

нием низкоквалифицированной рабочей силы и лиц со средним образованием, но без каких-либо навыков в строительных специальностях. Причины данного феномена кроются в слабо развитой системе организованного набора в странах исхода, особенно это характерно для Таджикистана, граждане которого представляют основную долю мигрантов, занятых в строительной отрасли области, с другой – склонностью самих строительных компаний привлекать низкоквалифицированную рабочую силу.

Так, уровень образования респондентов оказался довольно низким: 47 % из них не имели специального профессионального образования, 17 % имели неполное среднее образование или только начальное. При этом

28 % участников опроса отметили наличие у них высшего образования, а 2 % – ученую степень. Очевидно, что уровень образования находится в прямой взаимосвязи с проявленным интересом к опросу и открытостью респондентов, что могло оказать определенное влияние на смещение выборки.

Большинство респондентов прибыли из Республики Таджикистан, что отражает специфику Свердловской области как одного из центров притяжения таджикских мигрантов (Микрюков, 2021, с. 39). Успели приобрести российское гражданство 13,7 % респондентов. Некоторые представители Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, приобретя российское гражданство, сохранили гражданство стран исхода (табл.).

Таблица

Основные социально-демографических характеристики мигрантов, %

Table

Key socio-demographic characteristics of migrants, %

Характеристика	Мужчины	Женщины	Всего
<i>Возраст</i>			
до 29	33	8	40
от 30 до 39	23	6	30
от 40 до 49	13	7	20
от 50 до 59	5	1	6
от 60 до 72	3	0	3
старше 72	1	0	1
<i>Семейный статус</i>			
вдовец (вдова)	0,3	0,7	1
женат (замужем)	60	16	76
не женат (не замужем)	15	4	19
разведен (разведена)	2,1	1,9	4
<i>Образование</i>			
начальная школа (1-4 класса)	3	0	3
неполное среднее	12	2	14
среднее (школа, гимназия, лицей)	25	5	30
средне специальное (техникум, училище)	16,5	6,5	23
высшее (институт, университет, академия)	19	9	28
наличие ученой степени	1	1	2
<i>Страна происхождения</i>			
Кыргызстан	49,4	50,6	17,3
Таджикистан	83,5	16,5	59,1
Узбекистан	92	8	23
Россия	25	75	0,6
<i>Гражданство</i>			
Кыргызстан	48,2	51,8	13,1
Кыргызстан, Россия	0	100	0,2
Таджикистан	85	15	51,4
Таджикистан, Россия	75	25	1,8
Узбекистан	91,6	8,4	21,8
Россия	63,5	36,5	11,7

Источник: составлено авторами на основании проведенных ими опросов.

Несмотря на рост студенческой и семейной миграции, международная миграция продолжает носить трудовой характер. Об этом свидетельствуют и данные, полученные в результате нашего опроса. В частности, занятые в экономике региона составили 83 % опрошенных. В момент проведения опроса на региональном рынке труда оказалось занято 396 респондентов, или чуть более 77 % опрошиваемой совокупности. Кроме того, 8 % составили студенты, 5 % — временно неработающие, 4 % — домохозяйки, воспитывающие детей, 2 % не указали свой статус.

О трудовом характере миграции свидетельствуют и ответы на вопрос о целях приезда в Россию. На родине значительная доля респондентов не имела работу (28 %) или довольствовались временной занятостью (23 %). *«Я работала в школе, а мой муж долго не мог найти работу, а у нас не принято, чтобы жена была кормильцем в семье. Здесь он сразу нашел работу...»* — называет причину миграции одна из респондентов (женщина, 45 лет, учительница, Таджикистан). Неслучайно в качестве цели миграции в Россию большинство респондентов (56 %) выбрали «возможность заработать», а состоявшиеся предприниматели и молодые люди (всего 11 %) — «организацию собственного бизнеса». *«Я учился в Санкт-Петербурге на парикмахера. Мечтаю здесь организовать собственный салон»*, — делится своими планами молодой человек (мужчина, 24 года, парикмахер, Таджикистан).

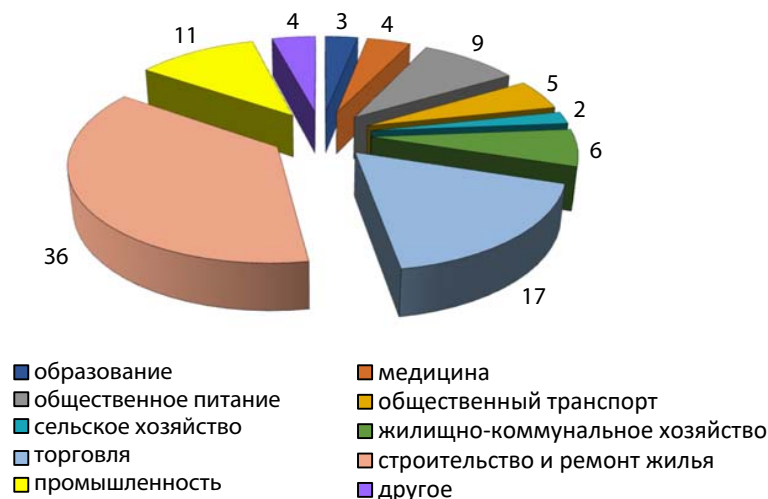
Согласно российскому законодательству, временно прибывшие иностранные граждане с целью трудоустройства из Таджикистана и Узбекистана, не являющиеся высококвалифицированными специалистами, обязаны оформить трудовой патент¹. В нашей выборке 52 % респондентов работали по трудовым патентам, из них 40 % оформили трудовой патент на работу у физического лица и только 12 % — у юридического. Предпочтение в выборе патентов обусловлено не столько реальной занятостью, сколько упрощенной процедурой получения и продления трудового патента при оформлении его на работу у физического лица.

Доля самозанятых либо лиц, имеющих собственный бизнес, в нашей выборке составила 9 %. Этот показатель близок

¹О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Федеральный закон РФ №115-ФЗ от 25.07.2002. Ст.13. Консультант плюс. <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2023)

к показателю в 8,3 %, полученному Е. В. Грунт в 2019 г. при опросе трудовых мигрантов в Свердловской области (Грунт, 2019, с. 117). Относительно численности диаспоральной группы в выборке (17,3 %) наиболее «предприимчивыми» оказались представители Кыргызской Республики, их доля среди самозанятых составила 26 %, в то время как доля граждан Республики Таджикистан — 47 %, Республики Узбекистана — 27 %. Очевидно, что этому способствовал особый статус граждан Кыргызской Республики на рынке труда в связи с членством Кыргызстана в ЕАЭС. Большинство самозанятых и лиц, имеющих собственный бизнес, — это мужчины. Однако есть и женщины, в частности, в группе выходцев из Кыргызстана их доля 40 %, из Таджикистана — 17 %. Наиболее востребованной сферой деятельности у данной группы лиц оказалась торговля, занятость в ней представителей Таджикистана составила 61 %, Узбекистана — 44 %. Среди кыргызов значительная доля респондентов (20 %) указала на наличие предпринимательства в сфере медицины. Этому способствует хорошее знание русского языка (Рязанцев, 2014, с. 28; Рязанцев и др., 2019, с. 112), так как в Кыргызской Республике он является официальным, а также деятельность НКО по поиску и приглашению на работу медицинских работников для заполнения вакансий в районных поликлиниках. В Екатеринбурге выявлены династии медиков-мигрантов: *«У меня в семье все медики. Я закончила в Екатеринбурге медицинский колледж, теперь работаю в клинике вместе с родителями»* (женщина, 27 лет, медсестра, Кыргызстан).

Легализация на российском рынке труда для вновь прибывших мигрантов из стран ближнего зарубежья, не входящих в ЕАЭС, составляет в настоящее время не менее 25–30 тыс. руб. В эту сумму входит стоимость трудового патента, сертификата об отсутствии социально опасных заболеваний, оплата медицинской страховки, оплата сдачи экзамена на знание русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации, перевод документов на русский язык, аренда недвижимости для оформления регистрации, посреднические услуги. Эта сумма часто оказывается неподъемной для трудовых мигрантов, им приходится влезать в долги или переходить в теневой сектор занятости. Об этом свидетельствует рост задолженности кыргызских, таджикских

Рис. 1. Распределение респондентов по сферам занятости, % (источник: составлено авторами на основании проведенных ими опросов)

Fig. 1. Distribution of respondents by sector of employment, %

и узбекских мигрантов перед микрофинансовыми организациями¹.

Жизнь в городах России достаточно дорогая и семьям из стран Центральной Азии сложно материально обеспечить обучение и проживание детей, поступивших в российские средние специальные и высшие учебные заведения. Поэтому большинство студентов из стран Центральной Азии трудоустраиваются на разовые или временные работы. Они подрабатывают в кафе, магазинах, центрах доставки и т. п. Вот одна из историй: «Еще когда учился в автомобильном колледже города Алапаевска (Свердловская область — авт.) занялся бизнесом. Сейчас у меня с братом своя молочная ферма» (мужчина, 35 лет, фермер, Узбекистан). Финансовая независимость позволяет молодым мигрантам чувствовать себя достаточно свободно, меняя традиционные стереотипы: «Я подрабатываю в „Самокате“, мне нравится. У меня есть невеста, хочу заработать на свадьбу. Она местная, с родителями познакомился, уже квартиру сняли. Живем сейчас вместе» (мужчина, 19 лет, студент 2-го курса, Таджикистан). Часто студенты из числа мигрантов используют неформальную занятость: «Я иногда подменяю сотрудников в магазинах, когда срочно требуется замена, мне зво-

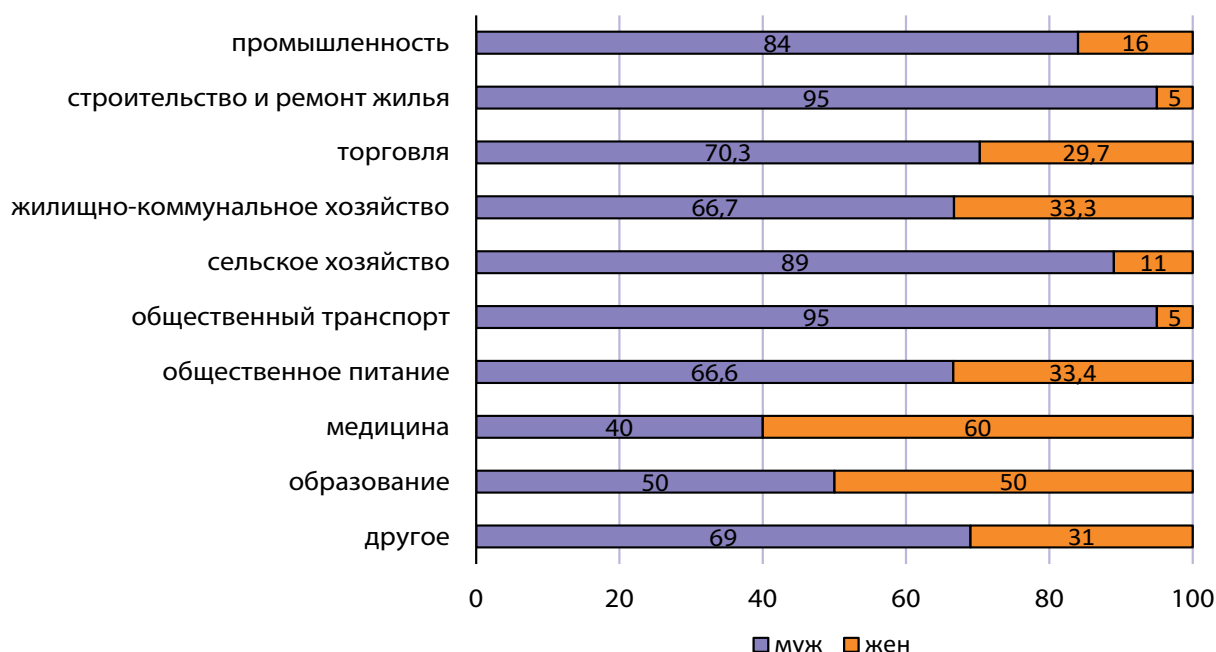
нят, и я выхожу. В конце дня со мной рассчитываются. Это неофициально» (женщина, 27 лет, магистрант, Таджикистан).

Распределение мигрантов по сферам занятости отражает экономическую ситуацию в регионе и в общих чертах соответствует общероссийскому тренду. Как видно на рисунке 1, больше всего мигрантов трудятся в строительном секторе (36 %), значительная доля — в торговле (17 %) и промышленности (11 %). Занятость мигрантов в промышленном секторе, с одной стороны, объясняется спецификой старопромышленного региона, с другой, свидетельствует об активной интеграции мигрантов, поскольку для трудоустройства на большинство промышленных предприятий региона требуются российское гражданство и соответствующая квалификация.

К сферам занятости мужчин относятся строительство и ремонт жилья, общественный транспорт. Доля мужчин-мигрантов на предприятиях этих сфер занятости составила 95 %. Доля мужчин, занятых в сельском хозяйстве, составила 89 %. В промышленности мужчины также в большинстве — 84 %. Женщины трудоустраиваются преимущественно в социальной сфере и сфере услуг. Так, их доля в медицине — 60 %, в образовании — 50 %, в сфере общественного питания и жилищно-коммунального хозяйства — более 33 % (рис. 2).

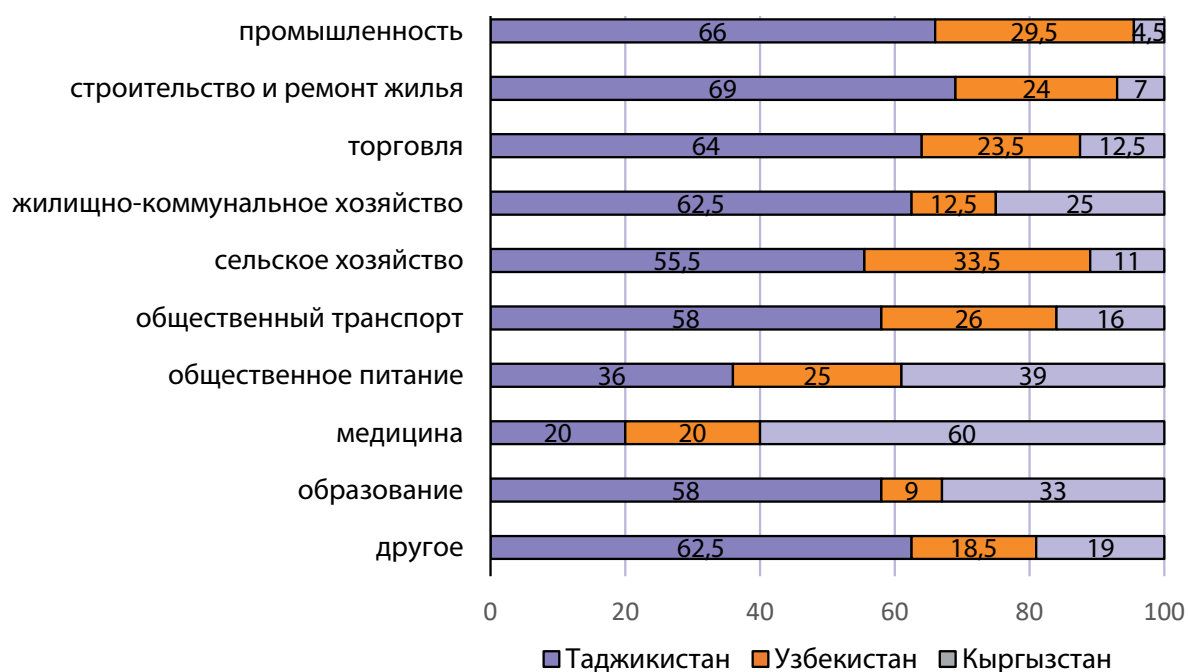
Как показало исследование (рис. 3), наибольшую долю в структуре занятости мигрантов по сферам экономики региона, кроме, может быть, медицины и общественного питания, составляют выходцы из Таджикистана; представители Кыргызстана в большей степени

¹ Будников, О. (2023). Армия должников: Через микрокредит внешние силы могут собирать данные по мигрантам в России и управлять их настроениями. *MMEDIA-MIG: все о трудовой миграции*. <https://media-mig.ru/technology/pri-vyezde-migrantov-iz-rossii-mikrofinansovye-org/> (дата обращения 05.10.2023).

Рис. 2. Распределение мигрантов по сферам занятости в гендерном разрезе, в % (источник: составлено авторами на основании проведенных ими опросов)

Fig. 2. Distribution of migrants by sector of employment by gender, %

Рис. 3. Распределение по сферам занятости мигрантов из стран исхода, % (источник: составлено авторами на основании проведенных ими опросов)

Fig. 3. Distribution of migrants by sector of employment by country of origin, %

заняты в таких сферах, как здравоохранение (60 %), общественное питание (39 %) и образование (33 %); для представителей Узбекистана наибольшая доля в структуре занятости характерна для таких сфер экономики, как сельское хозяйство (33,5 %), промышленность (29,5 %), общественный транспорт (26 %) и общественное питание (25 %).

Лица, имеющие собственный бизнес или занятые в медицине, образовании, чаще других имеют российское гражданство или вид на жительство: «У меня российский паспорт, я давно здесь живу, дети университет закончили. У меня свое большое хозяйство под Нижним Тагилом (город в Свердловской области — авторы). Коров держу, птицу, у меня теплицы.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Кто помог вам найти работу в России?», % (источник: составлено авторами на основании проведенных ими опросов)

Fig. 4. Distribution of answers to the question: "Who helped you find a job in Russia?", %

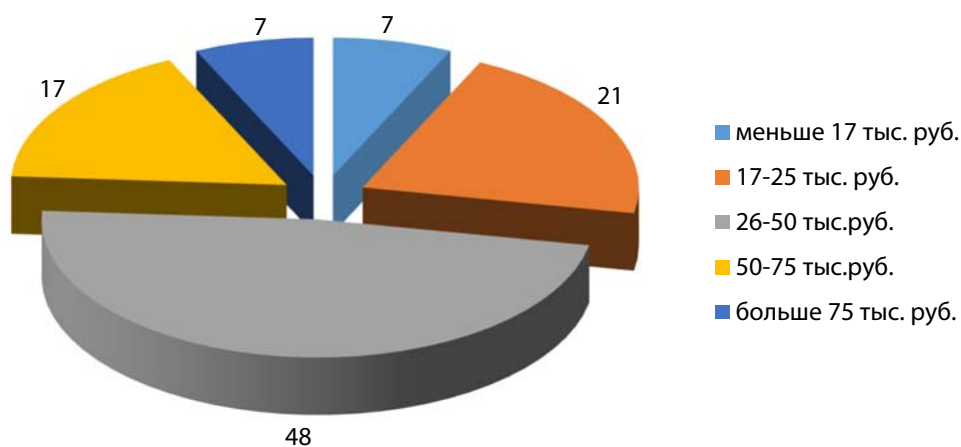
Соседи приходят, из города приезжают, покупают молоко, яйца, овощи», — рассказывает о себе одна из респондентов (женщина, 54 года, фермер, Таджикистан). «У меня небольшой бизнес, посреднические услуги...меня устраивает вид на жительство» (мужчина, 38 лет, предприниматель, Узбекистан). «Я прибыла по программе переселения соотечественников, поэтому российский паспорт быстро получила. Работать в школе мне нравится. В Душанбе работала в гимназии» (женщина, 45 лет, учительница, Таджикистан).

На вопрос о соответствии занятости полученному профессиональному образованию 40 % ответили утвердительно, а 34 % указали на наличие несоответствия, среди них 70 % имеют среднее специальное и высшее образование. Часто такие лица работают в сфере низкоквалифицированного труда, что отражает феномен «избыточной квалификации» у трудовых мигрантов (Мукомель, 2021, с. 192) и соответствует выводам, полученным И.Б. Бритвиной, Н.Л. Захаровым (Бритвина & Захаров, 2019, с. 251). Особенно в сложном положении в регионе оказываются технические специалисты: «У меня высшее техническое образование, работу по специальности в России сложно найти, на заводы иностранцев не берут, пока держу овощной киоск, сама в нем торгую» (женщина, 47 лет, продавец, Таджикистан).

К настоящему времени каналы поиска работы и трудоустройства в регионе резко диверсифицировались. Так, 15 % респондентов указали на то, что самостоятельно нашли работу, многим помогли вербовщики на родине или в России, кто-то прибыл по организован-

ному набору, кому-то помогли диаспоры. Вот весьма интересный случай: «В Таджикистане у меня была лавка, мебель продавал, я ее сам делаю. Даже в Самарканд (Узбекистан — авторы) возил. Работодатель к нам приезжал, ему моя мебель понравилась, он меня пригласил для работы в Россию. В Екатеринбурге у нас цех по производству мебели...» (мужчина, 41 год, мебельщик, Таджикистан). И все же традиционным каналом поиска работы являются родственники и друзья (54 %), так как многие мигранты приезжают в Россию с братьями, дальними родственниками или друзьями, что подтверждает вывод нашего предыдущего исследования, проведенного в 2014 г. (Бедрина и др., 2015, с. 61). «Начинал работать один, потом брат приехал, легче стало», — делится с нами один из респондентов (мужчина, 35 лет, фермер, Узбекистан). «Я приехал с другом, мы вместе учились. У него дядя давно работает в России, он помог найти работу», — сообщает молодой человек (мужчина, 24 года, строитель, Узбекистан). «Я недавно в России, приехала к мужу, сестра устроила на работу» (женщина, 29 лет, работник ЖКХ, Кыргызстан).

Несмотря на прилагаемые усилия со стороны государственных органов управления по созданию и функционированию системы организованного набора трудовых мигрантов, в нашей выборке данным каналом миграции воспользовались лишь 2 % респондентов (рис. 4). В основном это мужчины (88 %), прибывшие из Таджикистана и занятые в сфере строительства и ремонта жилья (44 %), жилищно-коммунального хозяйства (22 %) и общественного транспорта (22 %). Одна из при-

Рис. 5. Размер указанной респондентами, месячной заработной платы, руб. (источник: составлено авторами на основании проведенных ими опросов)

Fig. 5. Monthly salary of respondents, roubles

чин незначительной доли участников организованного набора в общей выборке видится в том, что около половины респондентов прибыли в Россию еще до заключения межправительственных соглашений об организованном наборе и начала его реализации.

Доля циркулярных мигрантов и мигрантов, вновь прибывших в Свердловскую область, оказалась незначительной. Среди тех, кто находится на территории региона менее 1 года, 40 % составили молодые люди до 29 лет, 11 % — женщины.

В сравнении с данными опроса, проведенного нами в 2014 г., заметно возросла доля респондентов, имеющих официальное трудоустройство: 47 % респондентов имели письменный договор с работодателем (в 2014 г. — 9 %), 22 % — только устную договоренность (в 2014 г. — 7 %), а 31 % указали на отсутствие какого-либо трудового договора (в 2014 г. — 84 %). Однако среди лиц, отметивших, что не имеют договора с работодателем, были самозанятые, владельцы собственного бизнеса, их доля составила 11 %. Среди оставшихся 20 % респондентов, не имеющих официально оформленных трудовых отношений, большинство были заняты в строительстве (38 %). Многие из них указали, что имели только устную договоренность с работодателем.

О наличии этнического предпринимательства и «мигрантских» секторов занятости свидетельствуют данные ответов на вопросы «Кто работает вместе с вами» и «Кто является непосредственным вашим работодателем». Отвечая на них, 87 % респондентов указали, что с ними преимущественно работают их соотечествен-

ники, и 48 % — что непосредственным работодателем также является их соотечественник.

Заработная плата выступает основным условием занятости и важнейшим мотивом миграции: «Я военное училище закончил, из армии уволился, не мог найти работу на родине, приехал в Россию, сейчас в строительстве работаю, здесь хорошо платят» (мужчина, 47 лет, строитель, Узбекистан).

Как демонстрирует диаграмма на рисунке 5, большинство респондентов получают заработную плату близкую, на момент проведения опроса, к средней по региону 1.

При этом самая высокая заработная плата (более 75 тыс. руб.) в строительстве и у собственников бизнеса. Самая низкая — в социальной сфере (образование и медицина), а также у работников, не имеющих постоянной занятости и официально оформленного трудового договора. Среди респондентов, получающих заработную плату свыше 50 тыс. руб., больше половины (55 %) имели официально оформленный трудовой договор. Другим фактором, оказывающим влияние на уровень оплаты труда, является период нахождения в России. В частности, 25 % респондентов, получающих заработную плату свыше 50 тыс. руб. проживали в России

¹ В Свердловской области в январе — марте 2023 г. средняя начисленная заработная плата составила 58 095 руб., в том числе, в строительстве — 48 817,4 руб., оптовой и розничной торговле 47 834,1 руб., производстве готовых изделий — 52 975,5 руб., в образовании — 46 502,0 руб. Министерство экономики и социального развития Свердловской области (официальный сайт) <http://economy.midural.ru/content/informaciya-o-velichine-srednemesyachnoy-zarabotnoy-plate-v-sverdlovskoy-oblasti-v-17> (дата обращения: 27.07.2023).

более 5 лет. Наше исследование не подтвердило вывод Ш. Т. Аюповой (Аюпова, 2012, с. 63), И. В. Мукомеля, К. С. Григорьевой, Г. А. Монусова и др. (Мукомель и др., 2022, с. 172), что среди мигрантов женщины получают значительно более низкую оплату труда, чем мужчины. Очевидно, что отсутствие разницы в оплате труда мужчин и женщин в нашей выборке, с одной стороны, связано с относительно высоким уровнем образования женщин-мигрантов на рынке труда, что также подтверждает выводы исследований, проводимых коллегами в 2011, 2017, 2020 гг. (Мукомель и др., 2022, с. 164), с другой стороны, может быть связано с особенностями выборки, так как женщины из стран Центральной Азии с низким уровнем образования и плохим знанием языка неохотно идут на контакт. Данная проблема требует дальнейшего исследования, поскольку нередки случаи, когда женщинам-домохозяйкам из стран Центральной Азии оформляется трудовой патент для легального нахождения на территории России, что может занижать реальный уровень заработных плат мигрантов.

Для получения достойной оплаты труда мигрантам приходится много работать. Больше половины мигрантов заявили, что обычно работают от 8 до 12 часов в день. При этом около 25 % из них обычно работают без выходных. Довольствуются разовыми работами 6 % респондентов.

Вовремя получают заработную плату 57 % респондентов, 17 % респондентов сообщили, что заработную плату иногда задерживают, 13 % отметили частую задержку заработной платы, и 13 % респондентов сталкивались с невыплатами заработной платы. Из анализа ответов следует, что чаще всего заработную плату задерживают в сфере строительства и ремонта жилья (37 %), в этой же сфере занятости мигранты часто сталкиваются и с невыплатами заработной платы (41 %).

Мигранты чаще всего задействованы в трудоемких сферах занятости, где преобладает физический труд. Как показало наше исследование, довольны своими условиями занятости лишь 64 % респондента, 27 % отметили наличие тяжелого физического труда, 10 % назвали условия труда — опасными, 7 % — вредными для здоровья.

Выводы

Наше исследование подтвердило выводы предыдущих исследований об особенностях положения и адаптации мигрантов

из Центральной Азии на региональных рынках труда России: о структуре рынка труда и условий труда мигрантов, национальном, половозрастном, гендерном, образовательном и квалификационном составе мигрантов, каналах трудоустройства, наличии «избыточной квалификации» у трудовых мигрантов. Кроме того, выявлена одна из причин «избыточной квалификации» в регионе — это доминирование в Свердловской области предприятий, производящих продукцию двойного назначения, которые ограничивают прием на работу иностранных граждан.

Нами были выявлены следующие особенности в миграционных потоках и в поведении мигрантов на рынке труда Свердловской области: высокая доля выходцев из Республики Таджикистан, сокращение доли лиц со специальным профессиональным образованием, активное использование низкоквалифицированных работников и лиц со средним уровнем образования в строительстве, рост доли занятых в промышленном секторе (прежде всего, в связи с ростом натурализации), склонность к организации собственного бизнеса (относительно диаспоральной совокупности) у выходцев из Кыргызстана.

Сделан вывод, что высокая доля занятости трудовых мигрантов в строительстве способствовала увеличению доли сверхурочных работ, а также занятости во вредных и тяжелых условиях труда. Исследование подтвердило вывод Е. В. Грунт (Грунт, 2019) о формировании в регионе этнической элиты, имеющей собственный бизнес: от точки общественного питания на рынке до медицинской клиники или собственного производственного предприятия.

Выявлены факторы, которые помогают мигрантам адаптироваться на региональном рынке труда: особенности правового регулирования (Кыргызстан), знание русского языка, родственные связи, получение образования на территории региона, наличие официально оформленной занятости, длительность пребывания на территории России, натурализация. К сожалению, наше исследование не выявило эффективности применения для региона организованного набора. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Выявлены факторы, способствующие росту заработной платы трудовых мигрантов: организация собственного бизнеса, наличие официально оформленного трудового договора, длительность нахождения на территории региона.

Нами были подтверждены тенденции в изменении миграционных потоков, выявленные также другими исследователями: рост активности женщин и молодежи из стран Центральной Азии, а также доли выходцев из Республики Таджикистан на российском рынке труда, диверсификация каналов поиска работы и трудоустройства. Как показало исследование, мигранты трудятся в различных сферах экономики, начиная сферой жилищно-коммунальных услуг, торговли, промышленных предприятий и заканчивая образованием, медициной, наукой.

Сравнение социологических исследований, проводимых в Свердловской области, выявило снижение теневого занятости и рост доли лиц, имеющих официально оформленные трудовые договора. Исследование показало, что отсутствие официально оформленного трудового договора не только провоцирует задержки и невыплаты заработной платы, но и отрицательно сказывается на ее размере. Ярким примером служит ситуация в строительстве, где официально трудоустроенные иностранные граждане имеют заметно более высокую заработную плату,

чем те, у кого отсутствует трудовой договор или имеется только устная договоренность с работодателем.

С нашей точки зрения, важным является вывод, что на сегодняшний день, несмотря на рост студенческой и семейной миграции, международная миграция в Свердловскую область продолжает носить трудовой характер. В этой связи актуальными остаются вопросы официального трудоустройства международных мигрантов, так как социологический опрос показал, что более половины респондентов на момент его проведения не имели официально оформленной занятости. Для решения данной проблемы необходимо дальнейшее совершенствование механизма получения заинтересованными органами государственной власти информации о пребывании иностранных граждан на территории Российской Федерации на основе биометрических технологий идентификации личности, а также их перемещении по территории страны. Этому может помочь формирование единой базы данных и постоянного мониторинга информации о трудовых мигрантах и членах их семей.

Список источников

- Аюпова, Ш. Т. (2012). Узбекская трудовая миграция из южной Киргизии в Россию и её влияние на гендерные отношения. *Диаспоры*, 2, 61-85.
- Бедрина, Е. Б., Вандышев, М. Н., Илинбаева, Е. А., Ийнишева, С. В., Куприна, Т. В., Мельникова, А. С., Неклюдова, Н. П., Сергеева, Л. В., Струин, Н. Л., Тухтарова, Е. Х., Удинцев, И. Н. (2016). *Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 151.
- Бедрина, Е. Б., Струин, Н. Л., Черных, Ю. А. (2015). Проблемы определения трудового статуса мигрантов в условиях патентной системы трудоустройства (по результатам социологических исследований). *Региональная экономика: теория и практика*, 13(7), 58-69.
- Бритвина, И. Б., Захаров, Н. Л. (2019). Проблемы интеграции иноэтничных мигрантов и россиян. *Журнал правовых и экономических исследований*, 2, 248-253. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2019.20.91.041>
- Бритвина, И. Б., Малявин, С. Н., Шумилова, П. А. (2022). Проблема развития предпринимательской деятельности студентов из стран Центральной Азии в России. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 5 — 2(137), 151-156.
- Бритвина, И. Б., Шумилова, П. А. (2017). Культурная идентичность и проблемы адаптации иноэтничных мигрантов в России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 17(3), 317-326. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326>
- Воронина, Н. А. (2020). Новые формы защиты прав трудовых мигрантов: организованный набор. *Вопросы политологии*, 10(9), 2724-2732.
- Грунт, Е. В. (2019). Факторы, влияющие на социокультурную адаптацию мигрантов из Средней Азии в Уральском мегаполисе. *Logos et Praxis*, 18(3), 112-123. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.12>
- Зайончковская, Ж., Архангельская, Н. (2003). Западный дрейф. *Эксперт*, 39(392), 120.
- Козлова, О. А. (ред.). (2023). *Проблемы адаптации и качество жизни трудовых мигрантов и членов их семей в Свердловской области. Аналитический доклад*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 91.
- Колесникова, О. А., Панкратьев, А. А. (2018). Проблемы учета миграции в зеркале российской статистики. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 4, 75-81.
- Костеева, М. А. (2020). Технология организованного набора как инструмент содействия адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии. *Вопросы этнополитики*, 3, 70-79. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-3-70-79>
- Леденёва, В. Ю. (2014). Система организованного набора мигрантов как адаптационный механизм миграционной политики. *Государственная служба*, 4(90), 47-51.

- Леденева, В. Ю., Мищук, С. Н. (2023). Семья и деловая активность женщин, иммигрировавших в Россию. *Уровень жизни населения регионов России*, 19(1), 25-35. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_2_25_35
- Микрюков, Н. Ю. (2021). Иммиграция из стран Азии в Россию: региональный аспект. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 1(3), 37-52. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.4>
- Мкртчян, Н. В. (2005). Миграция в России: западный дрейф. *Демоскоп Weekly*, 185-186. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php>
- Мкртчян, Н., Карачурина, Л. (2014). Миграция в России: потоки и центры притяжения. *Демоскоп Weekly*, 595-596. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php>
- Мукомель, В. И. (2019). Трудовые мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда. *Caucasian Science Bridge*, 2(1), 44-57.
- Мукомель, В. И. (2021). Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда. *Социологическая наука и социальная практика*, 9(4), 186-204. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8614>
- Мукомель, В. И., Григорьева, К. С. (ред.). (2022). *Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы*. Москва: ФНИСЦ РАН, 400. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022>
- Пальников, М. С. (2014). Внутренняя миграция в России 1990–2013 гг.: Основные параметры и особенности «Западного дрейфа». *Актуальные проблемы Европы*, 4, 138-172.
- Потапенкова, И. В., Ярмонова, Е. Н. (2020). К вопросу о формировании механизмов организованного набора трудовых мигрантов в Российской Федерации. *Вопросы этнополитики*, 4, 31-39. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-4-31-39>
- Ромодановский, К. О., Мукомель, В. (2015). Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике. *Общественные науки и современность*, 5, 5-18.
- Рязанцев, С. В. (2014). О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России. *Социологические исследования*, 9, 25-29.
- Рязанцев, С., Письменная, Е., Мирязов, Т., Дудина, О. (2019). Экспорт трудовых ресурсов из Кыргызстана: тенденции и последствия. *Центральная Азия и Кавказ*, 22(1), 109-124.
- Сурма, И. В., Шангараев, Р. Н., Волкова, А. А. (2021). Об организованном наборе трудовых мигрантов: концепция и практика в условиях глобализации. *Глобальная экономика и образование*, 1(1), 11-18.
- Флоринская, Ю. Ф. (2022). Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда. *Проблемы прогнозирования*, 1(190), 78-90. <http://doi.org/10.47711/0868-6351-190-78-90>
- Флоринская, Ю. Ф., Мкртчян, Н. В., Карцева, М. А. (2022). Женщины — наемные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга. *Женщина в российском обществе*, 2, 87-102.
- Чудиновских, О. С., Степанова, А. В. (2020). О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами. *Демографическое обозрение*, 7(1), 54-82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>

References

- Ayupova, Sh. (2012). Uzbek labour migration from Southern Kyrgyzstan to Russia and its impact on gender relations. *Diaspora [Diasporas]*, 2, 61-85. (In Russ.)
- Bedrina, E. B., Strunin, N. L., & Chernykh, Yu. A. (2015). Problems of defining labor status of migrants under conditions of the patent system of employment (according to sociological research results). *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika [Regional economics: theory and practice]*, 13(7), 58-69. (In Russ.)
- Bedrina, E. B., Vandyshev, M. N., Ilinbaeva, E. A., Inisheva, S. V., Kuprina, T. V., Melnikova, A. S., Neklyudova, N. P., Sergeeva, L. V., Struin, N. L., Tukhtarova, E. Kh., & Udintsev, I. N. (2016). *Kompleksnaya otsenka vliyaniya trudovoy migratsii na sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye prinyimayushchey territorii v voprosakh formirovaniya regionalnoy migratsionnoy politiki [Comprehensive assessment of the impact of labor migration on the socio-economic development of the host area in the formation of regional migration policy]*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB of RAS, 151. (In Russ.)
- Britvina, I. B. & Zakharov, N. L. (2019). Problems of integration of migrants belonging to different ethnic groups and Russians. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy [Journal of Legal and Economic Studies]*, 2, 248-253. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2019.20.91.041> (In Russ.)
- Britvina, I. B., & Shumilova, P. A. (2017). Cultural Identity and Adaptation of Ethnic Migrants in Russia. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 17(3), 317-326. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326> (In Russ.)
- Britvina, I. B., Maljavin, S. N., & Shumilova, P. A. (2022). The Business Development Problems of Students from Central Asian Countries in Russia. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 5-2 (137), 151-156. (In Russ.)
- Chudinovskikh, O. S., & Stepanova, A. V. (2020). On the quality of the federal statistical observation of migration processes. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 7(1), 54-82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820> (In Russ.)
- Florinskaya, Yu. F. (2022). Female Labor Migration to Russia: Number, Donor Countries, Niches in the Labor Market. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 1(190), 78-90. <http://doi.org/10.1134/S1075700722010075> (In Russ.)
- Florinskaya, Yu. F., Mkrтчян, N. V., & Kartseva, M. A. (2022). Female domestic workers in Moscow and Saint Petersburg. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society]*, 2, 87-102. (In Russ.)

Grunt, E. V. (2019). Factors Affecting the Social and Cultural Adaptation of Migrants from Central Asia in the Ural Megalopolis. *Logos et Praxis*, 18(3), 112-123. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.12> (In Russ.)

Kolesnikova, O. A., & Pankratiev, A. A. (2018). The problem of migration in the mirror of Russian statistics. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and management]*, 4, 75-81. (In Russ.)

Kosteeva, M. A. (2020). Organized recruitment technology as a tool to facilitate adaptation of labor migrants from Central Asia. *Voprosy etnopolitiki [Issues of Ethnopolitics]*, 3, 70-79. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-3-70-79> (In Russ.)

Kozlova, O. A. (Ed.) (2023). *Problemy adaptatsii i kachestvo zhizni trudovykh migrantov i chlenov ikh semey v Sverdlovskoy oblasti. Analiticheskiy doklad [Problems of adaptation and quality of life of labour migrants and members of their families in the Sverdlovsk Oblast. Analytical report]*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 91. (In Russ.)

Ledeneva, V. (2014). A system of organized recruitment of migrant adaptation mechanisms. *Gosudarstvennaya sluzhba [Public Administration]*, 4(90), 47-51. (In Russ.)

Ledeneva, V. Yu., & Mishchuk, S. N. (2023). Family and Business Activities of Women Who Immigrated to Russia. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 19(1), 25-35. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_2_25_35 (In Russ.)

Mikryukov, N. Yu. (2021) Immigration from Asian countries to Russia: a regional aspect. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic research]*, 1 (3), 37-52. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.4> (In Russ.)

Mkrtchyan, N. V. (2005). Migration in Russia: Western drift. *Demoscope Weekly*, 185-186. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php> (In Russ.)

Mkrtchyan, N., & Karachurina, L. (2014). Migration in Russia: flows and centres of attraction. *Demoskop weekly [Demoscope Weekly]*, 595-596. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php> (In Russ.)

Mukomel, V. I. & Grigoreva, K. S. (Eds.). (2022). *Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikator [Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators]*. Moscow: FCTAS RAS, 400. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022> (In Russ.)

Mukomel, V. I. (2019). Labour migrants from the newly independent countries on the Russian labor market. *Caucasian Science Bridge*, 2 (1), 44-57. (In Russ.)

Mukomel, V. I. (2021). Highly skilled migrants from Central Asian States at the Russian labor market. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika [Sociological Science and Social Practice]*, 9(4), 186-204. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8614> (In Russ.)

Palnikov, M. S. (2014). Home migration in Russia 1990-2013: Main dimensional character and peculiarities of the «Western drift». *Aktualnye problemy Evropy [Current Problems of Europe]*, 4, 138-172. (In Russ.)

Potapenkova, I. V., & Yarmonova, E. N. (2020). On the issue of the formation of mechanisms for the organized recruitment of migrant workers in the Russian Federation. *Voprosy etnopolitiki [Issues of Ethnopolitics]*, 4, 31-39. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-4-31-39> (In Russ.)

Romodanovsky, K. O., & Mukomel, V. I. (2015). Regulating Migration Processes: Problems of Transition from Reactive to Systematic Policy. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*, 5, 5-18. (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. (2014). Migrants' language integration as a new benchmark in Russia migration policies. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 9, 25-29. (In Russ.)

Ryazantsev, S., Pismennaya, E., Miryazov, T., & Dudina, O. (2019). Export of labor resources from Kyrgyzstan: Tendencies and consequences. *Tsentrlnaya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]*, 20(1), 98-112. (In Russ.)

Surma, I. V., Shangaraev, R. N., & Volkova, A. A. (2021). About organized set labor migrants: concept and practice in the conditions of globalization. *Globalnaya ekonomika i obrazovanie [Global Economy and Education]*, 1(1), 11-18. (In Russ.)

Voronina, N. A. (2020). New Forms of Protection of Migrant Workers Rights: Organized Recruitment of Migrants. *Voprosy politologii [Political science issues]*, 10(9), 2724-2732. (In Russ.)

Zayonchkovskaya, Zh. & Arkhangelskaya, N. (2003). Western drift. *Ekspert [Expert]*, 39(392), 120. (In Russ.)

Информация об авторах

Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>; Scopus Author ID: 56658693400; (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: e.b.bedrina@urfu.ru; bedrina.eb@uieec.ru).

Неклюдова Наталья Павловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-5026-1394>; Scopus Author ID: 57190430694; (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: neklyudova.np@uieec.ru).

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519>; Scopus Author ID: 5805632300; (Российская Федерация, 620014 г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kozlova.oa@uieec.ru).

About the authors

Elena B. Bedrina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Ural Federal University; Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>; Scopus Author ID: 56658693400 (19, Mira St., Ekaterinburg, 620000; 29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: e.b.bedrina@urfu.ru; bedrina.eb@uiec.ru).

Natalia N. Neklyudova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-5026-1394>; Scopus Author ID: 57190430694 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru).

Olga A. Kozlova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519>; Scopus Author ID: 5805632300 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 09.08.2023.

Прошла рецензирование: 15.10.2023.

Принято решение о публикации: 21.12.2023.

Received: 09 Aug 2023.

Reviewed: 15 Oct 2023.

Accepted: 21 Dec 2023.